

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	5
--------------------------	---

Книга первая

ВОЗВРАЩЕН К ЖИЗНИ

<i>Глава I.</i> То время	7
<i>Глава II.</i> На почтовых	10
<i>Глава III.</i> Тени ночные	18
<i>Глава IV.</i> Предварительный разговор	24
<i>Глава V.</i> Винный погребок	40
<i>Глава VI.</i> Сапожник	55

Книга вторая

ЗОЛОТАЯ НИТЬ

<i>Глава I.</i> Пять лет спустя	71
<i>Глава II.</i> Зрелище	80
<i>Глава III.</i> Разочарование	89
<i>Глава IV.</i> Поздравительная	108
<i>Глава V.</i> Шакал	117
<i>Глава VI.</i> Толпы народу	126

<i>Глава VII. Вельможа в городе</i>	143
<i>Глава VIII. Вельможа в деревне</i>	155
<i>Глава IX. Голова Горгоны</i>	162
<i>Глава X. Два обещания</i>	177
<i>Глава XI. То же, но по-другому</i>	188
<i>Глава XII. Тонкая натура</i>	193
<i>Глава XIII. Грубая личность</i>	203
<i>Глава XIV. Честный ремесленник</i>	210
<i>Глава XV. Она вязала</i>	225
<i>Глава XVI. Она все еще вяжет</i>	240
<i>Глава XVII. Однажды вечером</i>	254
<i>Глава XVIII. Девять дней</i>	261
<i>Глава XIX. Совет врача</i>	269
<i>Глава XX. Заступничество</i>	280
<i>Глава XXI. Эхо доносит шаги</i>	285
<i>Глава XXII. Море бушует</i>	300
<i>Глава XXIII. Пожар занялся</i>	307
<i>Глава XXIV. Притянут магнитной скалой</i>	317

Книга третья
ПО СЛЕДАМ БУРИ

<i>Глава I. В секретную</i>	333
<i>Глава II. Точильный камень</i>	349
<i>Глава III. Тень</i>	358
<i>Глава IV. Затишье перед шквалом</i>	365

<i>Глава V. Пильщик</i>	372
<i>Глава VI. Радость</i>	381
<i>Глава VII. Стучат</i>	390
<i>Глава VIII. Партия в карты.</i>	397
<i>Глава IX. Сыграли</i>	415
<i>Глава X. Тень облакается плотью</i>	433
<i>Глава XI. Сумерки</i>	452
<i>Глава XII. Тьма.</i>	458
<i>Глава XIII. Пятьдесят два</i>	469
<i>Глава XIV. Покончено с вязанием</i>	485
<i>Глава XV. Шаги умолкают навсегда</i>	501

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Идея этой повести впервые возникла у меня, когда я с моими детьми и друзьями участвовал в домашнем спектакле, в пьесе Уилки Коллинза «Застывшая пучина». Мне очень хотелось войти по-настоящему в роль, и я старался представить себе то душевное состояние, которое я мог бы правдиво передать, дабы захватить зрителя.

По мере того как у меня складывалось представление о моем герое, оно постепенно облекалось в ту форму, в которую и вылилось окончательно в этой повести. Я истинно перевоплотился в него, когда играл. Я так остро пережил и перечувствовал все то, что выстрадано и пережито на этих страницах, как если бы действительно испытал это сам.

Во всем, что касается жизни французского народа до и во время Революции, я в своих описаниях (вплоть до самых незначительных мелочей) опирался на правдивые свидетельства очевидцев, заслуживающих безусловного доверия.

Я льстил себя надеждой, что мне удастся внести нечто новое в изображение той грозной эпохи, живописав ее в доступной для широкого читателя форме, ибо, что касается ее философского раскрытия, вряд ли можно добавить что-либо к замечательной книге мистера Карлейля.

Книга первая

ВОЗВРАЩЕН К ЖИЗНИ

Глава I

ТО ВРЕМЯ

Это было самое прекрасное время, это было самое зло-
счастное время — век мудрости, век безумия, дни веры, дни
безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа от-
чаяния; у нас было все впереди, у нас впереди ничего не
было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в пре-
исподнюю — словом, время это было очень похоже на ны-
нешнее, и самые горластые его представители уже и тогда
требовали, чтобы о нем — будь то в хорошем или в дурном
смысле — говорили не иначе как в превосходной степени.

В то время на английском престоле сидел король с тяже-
лой челюстью и некрасивая королева; король с тяжелой че-
люстью и красивая королева сидели на французском пре-
столе. И в той и в другой стране лорды, хранители земных
благ, считали незыблемой истиной, что существующий
порядок вещей установлен раз и навсегда, на веки вечные.

Стояло лето Господне 1775-е. В ту благословенную по-
ру Англия, как и ныне, сподобилась откровения свыше.
Миссис Сауткотт только что исполнилось двадцать пять
лет, и по сему случаю некоему рядовому лейб-гвардии, на-
деленному пророческим даром, было видение, что в оный
знаменательный день твердь земная разверзнется и поглотит
Лондон с Вестминстером. Да и коклейнский призрак

угомонился всего лишь каких-нибудь двенадцать лет, не больше, после того как он, точь-в-точь как наши прошлогодние духи (проявившие сверхъестественное отсутствие всякой изобретательности), простучал все, что ему было положено. И только совсем недавно от конгресса английских подданных в Америке до английского престола и народа стали доходить сообщения на простом, человеческом языке о вполне земных делах и событиях, и, сколь это ни странно, оные сообщения оказались чреватые много более серьезными последствиями для человечества, нежели все те, что поступали от птенцов коклейнского выводка.

Франция, которая не пользовалась таким благоволением духов, как ее сестрица со шитом и трезубцем, печатала бумажные деньги, транжирила их и быстро катилась под гору. Следуя наставлениям своих христианских пастырей, она, кроме того, изощрялась в высокочеловеколюбивых подвигах; так, например, одного подростка приговорили к следующей позорной казни: ему отрубили обе руки, вырвали клещами язык, а потом сожгли живьем за то, что он не преклонил колен в слякоть перед кучкой грязных монахов, шествовавших мимо него на расстоянии пятидесяти шагов. Не лишено вероятности, что в ту пору, когда предавали казни этого мученика, где-нибудь в лесах Франции и Норвегии росли те самые деревья, уже отмеченные Дровосеком Судьбой, кои предрешено было срубить и распилить на доски, дабы сколотить из них некую передвижную машину с мешком и ножом, оставившую по себе страшную славу в истории человечества. Не лишено вероятности, что в убогом сарае какого-нибудь землепашца, под Парижем, стояли в тот самый день укрытые от непогоды, грубо сколоченные телеги, облепленные деревенской грязью. На них, как на насесте, сидели куры, а тут же внизу копошились свиньи, и Хозяин Смерть уже облю-

бовал их как собственные двуколки Революции. Но эти двое — Дровосек и Хозяин, — хоть они и трудятся не переставая, но трудятся оба беззвучно, и никто не слышит, как они тихо шагают приглушенными шагами, а если бы кто и осмелился высказать предположение, что они не спят, а бодрствуют, такого человека тотчас же объявили бы безбожником и бунтовщиком.

Англия гордилась своим порядком и благоденствием, но на самом деле похвастаться было нечем. Даже в столице каждую ночь происходили вооруженные грабежи, разбойники врывались в дома, грабили на улицах; власти советовали семейным людям не выезжать из города, не сдав предварительно свое домашнее имущество в мебельные склады; грабитель, орудовавший ночью на большой дороге, мог оказаться днем мирным торговцем Сити — так однажды некий купец, на которого ночью напала разбойничья шайка, узнал в главаре своего собрата по торговле и окликнул его, тот предупредительно всадил ему пулю в лоб и ускакал; на почтовую карету однажды напали семеро, троих кондуктор уложил на месте, а остальные четверо уложили его самого — у бедняги не хватило зарядов, — после чего они преспокойно ограбили почту; сам вельможный властитель города Лондона, лорд-мэр, подвергся нападению на Тернемском лугу, какой-то разбойник остановил его и на глазах у всей свиты обобрал дочиста его сиятельную особу; узники в лондонских тюрьмах вступали в драку со своими тюремщиками, и блюстители закона усмиряли их картечью; на приемах во дворце воры срезали у благородных лордов усыпанные бриллиантами кресты; в приходе Сент-Джайлса солдаты врывались в лачуги в поисках контрабанды, из толпы в солдат летели пули, солдаты стреляли в толпу — и никто этому не удивлялся. В этой повседневной суетлоке беспрестанно требовался палач,

и хоть он работал не покладая рук, толку от этого было мало; то вздергивал он рядами партии осужденных преступников, то под конец недели, в субботу, вешал попавшегося во вторник громилу, то клеймил дюжинами заключенных Ньюгейтской тюрьмы, то перед входом в Вестминстер жег на костре кучи памфлетов; нынче он казнит гнусного злодея, а завтра несчастного воришку, стянувшего медяк у деревенского батрака.

Все эти происшествия и тысячи им подобных, повторяясь изо дня в день, знаменовали собой дивный благословенный год от Рождества Христова 1775-й. И меж тем как в их сомкнутом круге неслышно трудились Дровосек и Хозяин, те двое с тяжелыми челюстями и еще двое — одна некрасивая, другая прекрасная собою, шествовали с превеликой пышностью, уверенные в своих божественных правах. Так сей 1775 год вел предначертанными путями и этих Владык, и несметное множество ничтожных смертных, к числу коих принадлежат и те, о ком повествует наша летопись.

Глава II

НА ПОЧТОВЫХ

В пятницу поздно вечером в самом конце ноября перед первым из действующих лиц, о коих пойдет речь в нашей повести, круто поднималась вверх дуврская проезжая дорога. Дороги ему, собственно, не было видно, ибо перед глазами у него медленно тащилась, взбираясь на Стрелковую гору, дуврская почтовая карета. Хлюпая по топкой грязи, он шагал рядом с каретой вверх по косогору, как и все остальные пассажиры, не потому, что ему захотелось пройтись, вряд ли такая прогулка могла доставить удовольствие, но потому, что и косогор, и упряжь, и грязь,

и карета — все это было до того обременительно, что лошади уже три раза останавливались, а однажды, взбунтовавшись, потащили карету куда-то вбок, поперек дороги, с явным намерением отвезти ее обратно в Блэкхиз. Но тут вожжи и кнут, кондуктор и кучер — все сразу принялись внушать бедным клячам некий параграф воинского устава, дабы пресечь их бунтарские намерения, кои вполне могли бы служить доказательством того, что иные бессловесные твари наделены разумом: лошадки мигом смирились и вернулись к своим обязанностям.

Понурился голова, взмахивая хвостами, они снова поплелись по дороге, спотыкаясь на каждом шагу и с такими усилиями выбираясь из вязкой грязи, что при каждом рывке казалось — они вот-вот развалятся на части. Всякий раз, как кучер, дав им передохнуть, тихонько покрикивал «нно-но, двигай!», коренная из задней пары отчаянно мотала головой и всем, что на нее было нацеплено, и при этом с такой необыкновенной выразительностью, как если бы она всеми силами давала понять, что втащить карету на гору нет никакой возможности. И всякий раз, как коренная поднимала этот шум, пассажир, шагавший рядом, сильно вздрагивал, словно это был чрезвычайно нервный человек и его что-то очень тревожило.

Все ложбины кругом были затянуты туманом, он стлался по склонам, ощупью пробираясь вверх, словно неприкаянный дух, нигде не находящий приюта. Липкая, пронизывающая мгла медленно расползалась в воздухе, поднимаясь с земли слой за слоем, словно волны какого-то тлетворного моря. Туман был такой густой, что за ним ничего не было видно, и свет фонарей почтовой кареты освещал только самые фонари да два-три ярда дороги, а пар, валивший от лошадей, так быстро поглощался туманом, что казалось — от них-то и исходит вся эта белесая мгла.

Еще двое пассажиров, кроме уже описанного нами, с трудом тащились в гору рядом с почтовой каретой. Все трое были в высоких сапогах, все трое закутаны по уши. Ни один из троих не мог бы сказать, каков на вид тот или другой из его спутников; и каждый из них старался укрыться не только от телесного, но и от духовного ока обоих других. В те времена путешественники избегали вступать в разговоры с незнакомыми людьми, ибо на большой дороге всякий мог оказаться грабителем или быть в сговоре с разбойничьей шайкой. Да и как же тут не опасаться: на каждом почтовом дворе, в каждой придорожной харчевне у предводителя шайки имелся свой человек на жалованье — либо сам хозяин, либо какой-нибудь неприметный малый на конюшне.

Так рассуждал сам с собой кондуктор дуврского дилижанса в тот поздний час, в пятницу, в конце ноября 1775 года, стоя на своей подножке позади кареты, медленно взбиравшейся на Стрелковую гору; постукивая ногой об ногу, он держался рукой за стоявший перед ним ящик с оружием, с которого он не спускал глаз; на самом верху ящика лежал заряженный мушкет, под ним семь заряженных седельных пистолетов, а на дне навалом целая куча тесаков.

Дуврский почтовый дилижанс пребывал в своем обычном, естественном для него состоянии, а именно: кондуктор с опаской поглядывал на седоков, седоки опасались друг друга и кондуктора; каждый из них подозревал всех и каждого, а кучер не сомневался только в своих лошадях, ибо тут он мог с чистой совестью поклясться на Ветхом и Новом Завете, что эти клячи для такого путешествия непригодны.

— Н...но! — крикнул кучер. — Ну-ка, еще раз поднатужимся, только бы наверх вылезти, и черт вас возьми совсем, пропади вы пропадом! Замучился я с вами, окаянные!.. Эй, Джо!

— Чего? — откликнулся кондуктор.